

ПУШКИН НА КАРАНТИНЕ

Автор: член союза журналистов Наталья Морсова

Россия не раз встречалась с чумой, холерой, тифом, «испанкой», – теперь новая напасть – коронавирус, когда закончится, какую дань потребует с людей?

Любовь к жизни и творчеству Александра Сергеевича Пушкина, с детства привитая матерью – учителем русского языка и литературы, проявила во мне интерес к холерному карантину 1830 года, который поэт провёл в Болдине – имении отца Сергея Львовича. Как выяснилось, карантин благотворно влияли на А.С.Пушкина, в холерной изоляции он провёл всего три месяца, но Болдинская осень в творческой биографии стала самой плодотворной. Как Александр Сергеевич оказался в Болдине? В дар от отца он получил одноэтажный дом в селе Большое Болдино Нижегородской губернии по случаю скорой женитьбы. Пушкин выехал оформлять документы, убежав от холеры.

Старинная усадьба имеет глубокие исторические корни: в XVI веке стал известен Евстафий Пушка (Пушкин), которому за ратные подвиги даровано Болдинское поместье. При дворе Ивана Грозного Пушкин занимал пост дипломата, был воеводой города Смоленска, вёл переговоры с польским королём Стефаном Баторием. Право передачи вотчины по наследству

подарено было в 1612 году за большие заслуги семейства Пушкиных в освобождении Москвы от поляков.

Приехал поэт в противоречивом расположении духа: с одной стороны депрессия, вызванная ссылкой, куда

его отправили после отставки с поста коллежского секретаря, - изоляция для игрока и искателя приключений – серьёзное испытание; с другой стороны, приятные хлопоты по поводу имения и предстоящей свадьбы.

Изоляция и раньше была известна поэту, в 1824 году власти сослали его на два года в материнское поместье Михайловское, где Пушкин создал около ста произведений: он закончил поэму «Цыганы», «Граф Нулин», пьесу «Борис Годунов», начал работу над романом «Арап Петра Великого», глубоко погрузился в «Историю государства Российского» своего старшего друга Карамзина.

Но в Болдино всё было иначе: поэта угнетало отсутствие знакомых, грузом на душе висели ссоры по поводу денег с матерью невесты Натальи Гончаровой, с которой он был помолвлен после вторичного сватовства, вполне могла расстроиться свадьба, да и писалось в последний год мало, без вдохновения, а жил он только литературным трудом. Вспыльчивого поэта выводила из себя сиротливость окружения: скука в природе, запустение пашен, убогость ветхих, топившихся по-чёрному крестьянских изб, и нищета кругом.

Перед отъездом в Болдино поэт пишет другу Петру Плетнёву: *«Осень подходит. Это любимое мое время - здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает — а я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда <...>. Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм...»*. Не имея душевного спокойствия, поэт создал самые лучшие свои произведения. Вскоре выяснилось, что отцу принадлежало не всё имение, а лишь малая часть с 200 душами. Неразбериха с документами, неопределённости долей многочисленных Пушкиных раздражала поэта, он оставил бумажные дела и во владение землёй и крепостными крестьянами не вступил.

В стране в это время набирала обороты эпидемия холера, которая охватила полмира. Пушкин несколько раз порывался в Москву, но кордоны останавливали, приходилось возвращаться в «свою берлогу», холера – «очень

миленькая особа», разлучила влюблённого и невероятно ревнивого тридцатилетнего поэта с красавицей – невестой, за которую «готов жизнь отдать». Запертому в заточении, ему ничего оставалось делать, кроме, как писать. И он писал:

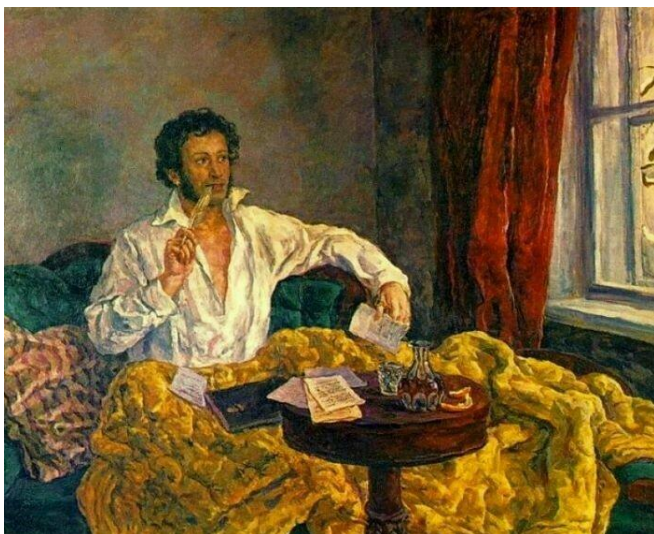
*Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.*

Страдания от одиночества, страх перед угрозой эпидемии, осознание греховности своей юности выразились в «Элегии»:

*Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней.
В моей душе чем старе, тем сильнее.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.*

Свой скромный быт в письмах к будущей супруге он описывал так: -
«Просыпаюсь в 7 часов, пью кофей и лежу до 3 часов (Пушкин любил писать лёжа), недавно расписался, и уже написал пропасть. В 3 часа сажусь верхом, в 5 в ванну и потом обедаю картофелем, да грешневой кашей. До 9 часов — читаю. Вот тебе мой день, и все на одно лицо».

«Пушкин в Михайловском», П. П. Кончаловский

Или раздражённо: - «Будь проклят час, когда я решился расстаться с вами, чтобы ехать в эту чудную страну грязи, чумы и пожаров, — потому что другого мы здесь не видим... Наша свадьба точно бежит от меня; и эта чума с ее карантинами — не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба?»

Бытовало мнение, что массовым эпидемиям подвержено только

простонародье ввиду его «грязного» быта, бедности, недоедания, но страшные известия из обеих столиц говорили об обратном, - холера косила всех подряд. Пушкин обеспокоился судьбой невесты: - «Скажите мне, где вы? Уехали ли вы из Москвы? Нет ли окольного пути, который привел бы меня к вашим ногам? Я совершенно пал духом и право не знаю, что предпринять. Ясно, что в этом году (будь он проклят) нашей свадьбе не

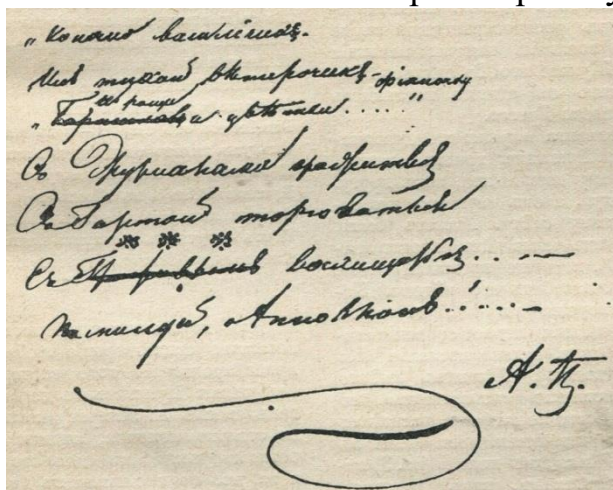
бывать. Но не правда ли, вы уехали из Москвы?... Прощайте, прелестный ангел».

Александр Брюллов. Портрет Натальи Пушкиной

Иногда сердито: - «Ни соседей, ни книг. Погода ужасная. Я провожу время в том, что мараю бумагу и злуюсь. Не знаю, что делается на белом свете».

При всей своей сердитости, Пушкин, как никогда, много пишет: за три месяца 32 стихотворения, серия статей для «Литературной газеты», «Сказка о попе и работнике его Балде», «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», завершает работу над «Евгением Онегиным».

Болдинский карантин не только спас поэта от вероятности подхватить болезнь, но и открыл нового Пушкина. От холостяка – весёлого гуляки, не осталось и следа: миру явился великий русский писатель, глубоко знающий жизнь; теперь его произведения лишены прежнего романтизма, подражания обожаемому Байрону, а есть чума, холера, убогость крестьянского быта, большая детская

смертность, страдания и гнев доведённых до отчаяния людей, с которыми общался в Болдине. В крестьянских избах он искал новые сюжеты, сказки и народные предания, а нашёл школу жизни. Впервые он посмотрел на мир глазами быстро повзрослевшего человека, зрелого писателя.

В конце ноября 1830 года карантинные оцепления отменились, Пушкин покинул Болдино и через неделю был в Москве. Холера пожалела семью Александра Сергеевича, следующей весной они с Н.Н.Гончаровой сыграли свадьбу.

Но холера из России не ушла, через год она вспыхнула с новой силой.

Пушкин пишет важное замечание в своём в дневнике: *«В прошлом году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели в нищету подрядчиков и извозчиков, прекратили доходы крестьян и помещиков и чуть не взбунтовали 16 губерний. Злоупотребления неразлучны с карантинными постановлениями...».*

Новых карантинных заточений у Пушкина не было, он ещё два раза бывал в Болдино, но превзойти творческий взлёт холерного 1830 не получилось, через шесть лет с ним случилась беда, пострашней холеры. После роковой дуэли с Дантесом 10 февраля (29 января по старому стилю) 1837 года русского гения не стало.

